

ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ И СЧАСТЬЯ В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»

(«Братья Карамазовы» Достоевского и «Дон Карлос» Шиллера)¹
(Dialéctica de la libertad y de la alegría en la
“Leyenda sobre el Gran Inquisidor” (“Los Hermanos Karamazov”
de Dostoevski y “Don Carlos” de Schiller)

Сергей А. Кибальник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, (Россия)

Serguei A. Kibalnik
Instituto de Literatura Rusa (Puškinskij Dom) de la Academia de Ciencias de Rusia,
San Petersburgo (Rusia)

ISSN: 1698-322X. ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 26.08.2012

Fecha de evaluación: 8.06.2013

Cuadernos de Rusística Española n° 9 (2013), 45 - 57

РЕЗЮМЕ

Смысл «Легенды...» выстраивается на основе ее своеобразной метатекстуальности по отношению прежде всего к драме Шиллера «Дон Карлос» (1787), герой которой, испанский король Филипп, по характеристике Д.И. Чижевского, «как и Великий инквизитор Достоевского, думал, что знает людей и их неспособность жить свободными». К драме Шиллера в первую очередь восходит в «Легенде» и сам образ Великого инквизитора. В статье на основе детального сопоставления двух текстов освещается вопрос о конкретном характере соотносительности «Легенды» с драмой Шиллера и об определенной смысловой переакцентуации Достоевским шиллеровской диалектики свободы и счастья.

Ключевые слова: свобода, счастье, диалектика, метатекстуальный, интертекстуальность, Достоевский, Шиллер, Великий инквизитор, испанский.

ABSTRACT

The meaning of “The Legend...” is based on its metatextual nature. “The Legend” refers first of all to F.Schiller’s drama “Don Karlos” (1787), in which the main character, a Spanish King Philipp II, as Dmitry Chizhevsky put it, as well as Dostoevsky’s The Grand Inquisitor “thought that he knew people and their being incapable to be free”. One can find in this drama a Grand Inquisitor as well. By means of a detailed comparison of the two works the article deals with the issue of a certain transformation of Schiller’s dialectics of freedom and happiness by Dostoevsky.

Key words: freedom, happiness, dialectics, metatextual, intertextuality, Dostoevskiy, Schiller, Grand Inquisitor, Spanish.

1. Работа выполнена в рамках Международного исследовательского проекта, поддержанного фондом «Русский мир» № 830Гр/И-444-12.

Своеобразная диалектика свободы и счастья составляет смысловой центр «Легенды о Великом инквизиторе». Вот как формулировал ее Д.И.Чижевский: «Человек стоит перед выбором, он должен решиться на одно из двух: либо “свобода”, либо “хлебы”, либо “огонь с небеси”, либо “хлеб земной” (14, 230-231). Другими словами, человек должен мириться со злом, если *хочет быть свободным*. Ибо зло неизбежно там, где существует свобода *обезбоженного* бытия; где же не существует никакой свободы, там нет и никакого греха, никакого зла. Человек должен оплатить свободу как *высшее* благо ценой страдания и греха, он должен отказаться от мысли о счастье. Свободу выбирают, понимая, что вместе с ней выбирают и возможность зла и “ахинеи” в мире. Этим выбором оправдывается божественный порядок нашего мира, порядок, в котором зло и грех искупаются и вознаграждаются обладанием свободой. Основной парадокс легенды о великом инквизиторе коренится в том, что великий инквизитор не считает свободу *наивысшим* благом и не верит, что люди ценят и могут ценить свободу выше, чем счастье. Напротив, великий инквизитор полагает, что люди “принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “Лучше поработите нас, но накормите нас!”» (14, 231), потому что люди никогда не могут быть свободными, ибо “ничего нет бесспорнее хлеба” (14, 232). Христос, однако, – “вместо того, чтоб овладеть свободой людей, <...> увеличил им ее еще больше” (14, 232)» (Чижевский 2010: 42-43).

Сам же Чижевский обратил внимание и на то, что эта диалектика свободы и счастья у Достоевского содержит внутренние переключки с некоторыми мотивами творчества Фридриха Шиллера: «И если Иван еще как-то сомневается в правильности решения, которое дали Христос и христианство (в вышеизложенном понимании), то для Достоевского вопрос, может ли “слабый человек” “вынести свободу”, никоим способом не ослабляет разработанной им теодицеи – теодицеи, которую мы ранее уже находим у Шиллера (предвосхищающего в этом вопросе мысли Канта) и которая была известна Достоевскому по столь любимым им в годы юности речам маркиза Позы <...>:

О, оглянитесь
 На эту чудесную природу! На свободе
 Она созиждена – и как богата
 Она свободой! Он, великий Зодчий,
 <...> Он <...> из нежеланья повредить
 Свободы усладительным явлениям, –
 Он позволяет лучше бушевать
 Всем легионам страшных зол
 В своей Вселенной – в ней Его,
 Художника, и не заметишь.

Тот же смысл имеют и стихи Шиллера, цитируемые Иваном в начале его беседы с Алешей <...>:

Верь тому, что сердце скажет,
 Нет залогов от небес. (14, 225)

Человек предоставлен богами (в русском переводе “небесами”) своей собственной свободе – своему собственному выбору, решению, мужеству (собственному “сердцу”, как это передано Жуковским в русском переводе) – его судьба не обеспечена и не гарантирована сверху – “нет залогов от небес”. В этом заключается смысл человеческой свободы» (Чижевский 2010: 42-43; см. также: Чижевский 1956: 109-135).

Драма Шиллера «Дон Карлос» (1787) была хорошо известна Ф.М. Достоевскому, в частности, по переводу М.М. Достоевского (Библ. для Чт. 1848. Т. 86. Кн. 4. С. 111-202; Т. 87. Кн. 1. С. 1—28; Т. 88. Кн. 1. С. 1; Кн. 2. С. 81-136; Шиллер 1857; см.: Библиотека Достоевского 2005: 102-103). Интерес Достоевского именно к «Дон Карлосу» Шиллера в какой-то степени могла актуализировать одноименная опера Дж. Верди, впервые поставленная в Париже 11 марта 1867 г. Этот интерес в какой-то степени сливался у Достоевского с испанской темой в «Записках сумасшедшего» (1834), герой которых Поприщин следит по «Северной пчеле» за гражданской войной между сторонниками брата короля Фердинанда VII дон Карлоса Старшего и приверженцами дочери короля Изабеллы, провозглашенной его указом 1830 года наследницей престола. Как и всякому обывателю, Поприщину кажется недопустимым, чтобы женщина взошла на престол, тем самым он становится на сторону карлистов. Постепенно он сходит с ума и воображает себя испанским королем Фердинандом VIII. Поприщину кажется, что он в Испании, между тем в действительности санитары доставляют его в сумасшедший дом. В сознании безумного Поприщина Дон Карлос Старший, очевидно, смешивается с шиллеровским «Дон Карлосом» – также устраненным от наследования престола деятелем испанской истории ХУІ века. Санитара же, который бьет его палкой, пытаясь отучить Поприщина называть себя «Фердинандом VIII», он принимает за «Великого инквизитора».

Таким образом, повесть Гоголя также актуализировала в сознании читателя шиллеровскую пьесу. Между тем смысл «Легенды...», по мнению Чижевского, даже и выстраивается на основе своеобразной метатекстуальности по отношению к ней: «Достоевский был также вполне согласен с отрицательной характеристикой, данной Шиллером такому общественному порядку словами маркиза Позы о государстве Филиппа <...>:

Как бедно, тесно дело ваших рук!

Сам же Филипп, как и Великий инквизитор Достоевского, думал, что знает людей и их неспособность жить свободными. И за Филиппом тоже ведь стоит великий инквизитор – зловещая фигура, нарисованная Шиллером в сходных великому инквизитору Ивана тонах». Впрочем, по мнению В.А.Туниманова, «Великий Инквизитор Достоевского – личность глубоко несчастная, страдающая; он несет свой крест по непоколебимому убеждению в единственной верности избранного пути. <...> он “страдающий инквизитор”, отражение души и сомнений Ивана Карамазова. Подобное трудно даже помыслить о герое Шиллера – там чувства давным-давно вытравлены и все отлилось в холодную циничную маску властителя и вершителя судеб» (Туниманов 1968: 64-65).

В какой степени это действительно так, а в какой-то, очевидно, всего лишь проявление иной и, несомненно, более изощренной, чем у Шиллера, самопрезентации

героя. Во всяком случае сам Достоевский суть идей своего «Великого инквизитора» определял как «презрение к человечеству под видом социальной любви к нему» (15, 198). Так или иначе, у Шиллера, по словам все того же Чижевского, «сам Филипп ставится перед дилеммой: либо свобода и грех (на этот путь, по мнению великого инквизитора, Филипп вступил), или же инквизиция берет грех на себя, но за это Филипп должен отречься от всякой личной свободы, – такова постановка вопроса, смысл которой тот же самый, что и в “легенде” Достоевского» (Чижевский 2010: 43).

Возникает вопрос о конкретном характере соотнесенности «Легенды» с драмой Шиллера, о сознательных трансформациях шиллеровских мотивов в ней, о том, как по-разному эти мотивы развертываются в самом сюжете этих двух произведений и о различиях в своеобразной диалектике свободы и счастья, представленной у обоих писателей. До настоящего времени эти моменты рассматривались посредством общего сопоставления произведений Достоевского и Шиллера (см., например: Данилевский 2005: 13; Иванчич 2001: 116) или отдельных их образов (Вильмонт 1984: 214-218; Зегерс 1963: 122 – 126; Туниманов 2013: 62-65). Попытаемся решить все эти вопросы посредством более детального сопоставления. Оговоримся, что вопрос о диалектике свободы и счастья в «Легенде о Великом инквизиторе» рассматривается в настоящей статье не вообще, а только с учетом его шиллеровского контекста. Однако анализ характера трансформации Достоевским шиллеровских мотивов направлен на уточнение многочисленных предшествующих интерпретаций «Легенды...» (свод и перечень некоторых из них см.: О Великом инквизиторе 1991; Щенников, Тихомиров 2008: 41-45).

Ассоциации с шиллеровским «Дон Карлосом» возникают с самых первых строк пятой главы книги пятой романа «Братья Карамазовы» «Великий инквизитор»: «Видишь, действие у меня происходит **в шестнадцатом столетии...**» (Достоевский 1976: 14, 224) – и затем это указание уточняется: «Действие у меня **в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции**, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры...» (Достоевский 1976: 14, 226; здесь и далее выделено мной – С.К.). Между тем действие «Дон Карлоса» происходит в царствование «Филиппа II, короля испанского» (1556-1598), то есть как раз в шестнадцатом веке и в разгар инквизиции, о котором Достоевский хорошо знал также и по имевшейся в его библиотеке книге В.Прескотта «История царствования Филиппа второго, короля испанского» (т. I-II. Пер. с английского. СПб., 1858 – Достоевский 1976: 15, 557).

Имеющее место буквально на второй странице «Легенды» цитирование Иваном Карамазовым стихотворения Шиллера «Желание» (см.: Достоевский 1976: 225) поддерживает ассоциации с «Дон Карлосом», потому что содержит такое же представление о человеческой свободе, которое воплощено в этой драме. Еще чуть ниже Иваном приведены «несколько переиначенные строки из поэмы А.И.Полежаева “Кориолан”» (см.: 15, 557):

В великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.

(Достоевский 1976: 14, 226; здесь и далее выделено мной – С.К.).

Между тем аутодафе упоминаются и в драме Шиллера. См., например:

Мондекар

И нынче будет весело в Мадриде.
К боям быков уж площадь снаряжать
Там стали! А потом ауто-да-фè
Нам обещают.

Королева

Обещают? Это
От кроткой Мондекар я слышу?

Мондекар

Что ж?
Ведь **сжигают злых еретиков!**

Королева

Надеюсь, Эболи другого мнения?

Эболи

Ваше величество, прошу покорно
Меня считать **такою ж христианкой,**
Как и маркизу Мондекар.

(I, 3 – Шиллер 1857: 193-194; далее цитаты из «Дон Карлоса» приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте, до этого указывается номер действия и «выхода»).

Эти «истинно христианские чувства» героинь Шиллера, возможно, отчасти питают и убежденность Великого инквизитора Достоевского: «... завтра же я осужу и **сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков,** и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению **бросится подгребать к твоему костру угли...**» (Достоевский 1976: 14, 228).

Если у Достоевского сказано, что «при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена **кардиналом великим инквизитором** разом **чуть ли не целая сотня еретиков ad majorem gloriam Dei**» (Достоевский 1976: 14, 226), то у Шиллера при первых упоминаниях Великого инквизитора он величается точно так же: «**инквизитор-кардинал**», «**кардинал великий инквизитор**», III, 465, 468). При этом сам он, имея в виду общее число жертв инквизиции, говорит Королю Филиппу: «... с каким лицом, / Я спрашиваю вас, **стам тысяч слабым / Душам вы подписали приговоры?»** (V, 10 – Шиллер 1857: 473).

Появление «Великого инквизитора» в «Дон Карлосе» предваряется ремаркой: «**кардинал великий инквизитор, старец девяноста лет и слепец,** входит, опершись на посох и ведомый двумя доминиканцами. В то время как он проходит мимо грандов, они бросаются ниц перед ним и дотрогиваются до полы его платья. Он раздает им благословение; все удаляются» (Y, 9 – Шиллер 1857: 468). У Достоевского «это **девяностолетний почти старик,**² высокий и прямой, с иссохшим лицом,

2. «Исторический» Великий инквизитор эпохи Филиппа II «отнодью не был слеп и не дожил до 90 лет» (Туниманов 2013: 63), зато «на 86-м году жизни скончался» в 1878 году современник Достоевского папа Пий IX (Евнин 1967: 63).

со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск» (Достоевский 1976: 14, 227). Деталь Шиллера: **«дотрогиваются до полы его платья»** – в «Легенде» передана Иисусу и усилена: **«...и от прикосновения к нему, даже лишь к одеждам его, исходит целящая сила»** (Достоевский 1976: 14, 227).

У Достоевского Иисус изображен как совершающий самопожертвование провозвестник идеалов будущего: **«Он молча проходит среди их с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью»** (Достоевский 1976: 14, 226-227). Великий инквизитор, естественно, выставляет его в своих речах наивным идеалистом: **«Ты не сошел со креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: “Сойди со креста и уверуем, что это ты”. Ты не сошел потому, что, опять-таки, не захотел поработить человека чудом, и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо конечно они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! <...> Он слаб и подл»** (Достоевский 1976: 14, 233).

Между тем у Шиллера Маркиз Поза сам рекомендует себя Королю преждевременно явившимся посланцем будущего:

Век щедушный
 Не вызрел для моих прекрасных идеалов;
Я гражданин грядущих поколений.
 Картина может ли смутить покой ваш?..
 Дохнете вы, и нет ее.
 (III, 10 - Шиллер 1857: 336). –

а Король прямо называет его «странным мечтателем» (III, 10 – Шиллер 1857: 341).

У Достоевского жертвой Великого инквизитора должен был стать сам Иисус: **«...завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков...»** (Достоевский 1976: 14, 228). В этом он, по всей видимости, опирался на тридцать первую главу «Историческая драма. Пороховой заговор. Суд и осуждение невинного» романа Этьена Кабе «Путешествие в Икарию» (см.: Кибальник 2011: 149-154), в которой в качестве характеристики театров Икарии приводятся отрывки из драмы, изображающей осужденного на смерть и стилизованного под Христа «опасного демократа» Калара (в свою очередь, по-видимому, отчасти навеяна «Дон Карлосом» Шиллера; см. подробнее: Кибальник 2012). У Шиллера Христу Достоевского, как мы видели, более всего соответствует Маркиз Поза, жертвующий собой, чтобы спасти Дон Карлоса.

Великий инквизитор Шиллера сообщает Королю, что давно следил за Позой и что тот должен был стать его показательной жертвой:

Взгляд единый вам
Изобличал еретика... Что ж вас
 Могло заставить скрыть **такую жертву**
От инквизиции?

Более того, по мнению Великого инквизитора, он был предназначен для этого:

Он нашим был... Что вас могло заставить
 Чужим добром, как тать, распоряжаться?
Он жил, чтоб умереть чрез нас. Его
 На бедность веку нашему Господь
 Сам подарил, чтоб мудрствующий ум
 Во всех его постыдных заблужденьях
 Торжественно открыто **обличить.**
 (V, 10 – Шиллер 1857: 471)

В то время как у Шиллера «Великий инквизитор» объявляет «еретиком» Маркиза Позу, «Великий инквизитор» Достоевского – Иисуса. Разумеется, это обстоятельство чрезвычайно заостряет антицерковную направленность поэмы Ивана Карамазова.

«Великий инквизитор» в одноименной поэме Ивана Карамазова утверждает: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, **оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться**» (Достоевский 1976: 14, 231). Между тем в «Дон Карлосе» не Великий инквизитор, а Маркиз Поза говорит о всеобщем подобострастии перед Королем, как бы оправдывающем его пренебрежительное отношение к людям:

Люди, люди
 Принудили к тому вас: добровольно
 Они себя лишили благородства,
 Всех лучших качеств сердца, **добровольно**
На этой низкой степени себя
Поставили <.....>
 > Так приняли вы свет,
 Так он и вашему отцу достался.
 Ну как в таком печальном искаженьи,
 Ну как вам было уважать людей?
Король
 Тут, может быть, есть несколько и правды.
 (III, 10 – Шиллер 1857: 337)

Отчего в драме «Дон Карлос» о добровольном низкопоклонстве людей как об их родовой черте говорит «еретик» маркиз Поза, а у Достоевского это делает гонитель еретиков Великий инквизитор? По-видимому, отчасти оттого, что маркиз Поза говорит и говорит много, а Иисус у Достоевского все время молчит, а этот важный мотив тоже должен быть кем-то в «Легенде...» высказан. Однако в результате

этим привносится нечно новое: если у Шиллера Маркиз осуждает несовершенную природу человека, то у Достоевского Иисус оставляет последнему свободу выбора.

У Достоевского Великий инквизитор обещает: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что **всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения**; позволяем же им грешить потому, что их любим, **наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя**. И возьмем на себя, а нас они будут обожать, как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом» (14, 236). Именно это и происходит в финале драмы Шиллера, где Король просит Великого инквизитора взять на себя грех убийства Дон Карлоса, и тот соглашается на это:

Я даю
Тебе мои права судьи. Мне можно ль
Совсем отсторониться будет?

Великий инквизитор.

Дайте

Мне их.

(V, 10 – Шиллер 1857: 476)

Показательно, что в ответ на просьбу Короля оправдать убийство Дон Карлоса, Великий инквизитор ссылается не на что другое, как на пример казни Христа:

Король.

Создашь ли ты такую веру,
Что защищала бы детоубийство?

Великий инквизитор.

**Чтоб усмирить святую справедливость,
На древе Божий Сын был распят.**

Король.

И эту мысль по всей Европе станешь
Ты проповедывать?

Великий инквизитор.

Доколе крест

Народы чтут.

(V, 10 – Шиллер 1857: 475)

В выделенных словах Великого инквизитора о Христе Н. Вильмонт не без основания усматривал свидетельство того, что «у Шиллера заимствовал Иван Карамазов и пафос и философскую *основу* своей поэмы»: «... разве Шиллер не высказал в ней – in puse, конечно! – все то, что составляло содержание ненаписанной карамазовской легенды, вплоть до идеи “церкви без Христа”?» (Вильмонт 1984: 216-217).

Для Великого инквизитора Достоевского вся история церкви это борьба со свободой, возвещенной Христом: «Но вот ты теперь увидел этих “свободных”

людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. – “Да, это дело нам дорого стоило” – продолжает он, строго смотря на него, – но мы dokonчили наконец это дело, во имя твое. **Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой**, но теперь это кончено и кончено крепко» (Достоевский 1976: 14, 229). Для Великого инквизитора Шиллера также нет ничего хуже свободы:

Король.

Он мой единый сын. Кому же
Я все оставлю?

Великий инквизитор.

Лучше тленью, чем

Свободе.

(V, 10 – Шиллер 1857: 476)

Печальный диагноз католической церкви ставит Алеша Карамазов: «Они **просто римская армия** для будущего всемирного земного царства, **с императором - римским первосвященником во главе...**» (Достоевский 1976: 14, 237).³ У Шиллера Маркиз Поза говорит Королю:

Как бедно, тесно дело ваших рук!

(III, 10 – Шиллер 1857: 341).

Вложенную в уста Маркиза Позы шиллеровскую романтизацию государя как существа, стесненного, в отличие от Творца, этическими соображениями:

Листка нежданный шорох вас пугает,

Владыку христианства. – **Трепетать**

Пред каждой добродетелью должны вы.

(V, 10 – Шиллер 1857: 341-342) –

у Достоевского – впрочем, в несколько другом смысле – развивает Великий инквизитор: «Ибо лишь мы, мы, хранящие их тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч **страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла**» (Достоевский 1976: 14, 236). То, что некоторые мотивы речей Маркиза Позы у Достоевского звучат в речах Великого инквизитора, вполне объяснимо: ведь Иисус «Легенды...» ничего не говорит – и

3. Д.Н. Любимов вспоминал, что все, что говорит в дальнейшем Великий инквизитор, первоначально «могло быть отнесено к христианству» и только после вмешательства М.Н. Каткова Достоевский якобы внес изменения, чтобы «не было сомнения, что дело идет исключительно о католичестве» (Достоевский в воспоминаниях современников 1990: 2, 371). Впрочем, как отмечает современная исследовательница романа, слова Д.Н. Любимова «не подтверждаются ни черновыми автографами главы “Великий инквизитор”, ни письмами Достоевского» (Ветловская 2007: 501-502).

связано с переогласовкой образа Великого инквизитора. Он, в сущности, вопреки приведенному выше мнению В.А.Туниманова, не так уж сильно отличается от своего шиллеровского прототипа, однако, в отличие от него, рядится в одежды «страдающего» ради человечества героя, то есть в одежды самого Иисуса.

Зато это лицемерная саморомантизация тут же развеивается Алешей: «...вот их идеал, **но безо всяких тайн и возвышенной грусти... Самое простое желание власти**, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками... **вот и всё у них**» (Достоевский 1976: 14, 237).

Сделанный Позой комплимент Творцу:

А Он? – **из нежеланья повредить**

Свободы усладительным явленьям, –

Он позволяет лучше бушевать

Всем легионам страшных зол

В своей Вселенной...

(III, 10 – Шиллер 1857: 342) –

в «Легенде» обернулся упреком Великого инквизитора Иисусу: «**ты не захотел лишить человека свободы...**». При этом, однако, у Достоевского подчеркивается не обусловленность зла свободой, как у Шиллера, а недопустимость подмены свободы материальными благами: «... и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами?» (Достоевский 1976: 14, 230).

У Шиллера парадоксальным образом именно Великий инквизитор напоминает Королю о давности и неизменности границы между добром и злом:

Или в тот миг, когда ему объятья

Свои открыли вы, свет стал не светом?

Яд более не ядом? **Иль стена**

Меж злом и благом, истиной и ложью

Разрушилась? Что значит цель, что твердость,

Мужское слово, если в слабый миг

Шестидесятилетние принципы

Колеблются, как женские капризы?

(V, 10 – Шиллер 1857: 472)

В полном согласии с обрисованной выше шиллеровской системой координат Великий инквизитор Достоевского упрекает Иисуса в том, что «вместо твердого древнего закона, – свободным сердцем должен был человек **решать впредь сам, что добро и что зло**, имея лишь в руководстве твой образ пред собою...» (Достоевский 1976: 14, 232).

Шиллеровский Великий инквизитор обвиняет Короля в увлечении свободой и в стремлении обойтись без инквизиции:

Вас Орден тяготит тяжелой цепью:

Свободы, государь, вам захотелось!

Вам одному, без нас быть захотелось!

(V, 10 – Шиллер 1857: 474)

У Достоевского все эти упреки падают, соответственно, на голову Иисуса, «подвиг» которого церкви пришлось «исправить» (Достоевский 1976: 14, 236). Целый ряд изменений связан, стало быть, с иной, условно говоря, сокращенной по сравнению с Шиллером (вместо «Поза – Дон Карлос – Король – Инквизитор» всего лишь только «Иисус – Инквизитор») системой героев в «Легенде...».

Впрочем, если вспомнить Ивана и Алешу, то эта система персонажей оказывается вполне сходной с шиллеровской. Причем, почти двойническим парам «Маркиз Поза – Дон Карлос» vs. «Великий инквизитор – Король», противостоящим друг другу, соответствуют в этом случае тоже отчасти двойнические пары «Иисус – Алеша» vs. «Иван – Великий инквизитор», находящиеся в аналогичном диалогическом конфликте между собой. У Шиллера Великий инквизитор не испытывает ни малейших сомнений в своей низкой оценке людей и упрекает Короля за то, что тот решил поставить себя на одну доску с Позой. У Достоевского Великому инквизитору, как и самому Ивану, его создателю, хотя бы один раз в жизни, «надо высказаться», как будто бы он не совсем уверен в собственной правоте. И даже более того, после поцелуя Иисуса он отказывается от своего первоначального намерения (что совершенно невозможно себе представить относительно шиллеровского Великого инквизитора). Следовательно, если Н.А.Бердяев полагал, что «у самого Ивана Карамазова, рассказавшего Легенду о Великом Инквизиторе – хвалу Христу», отсутствуют «черты Великого инквизитора» (О Великом инквизиторе 1991: 238), то в действительности кое-что общее у них, разумеется, найдется. Поцелуй Алеши лишний раз удостоверяет определенное подобие в соотношении пары «Великий инквизитор – Иисус» с парой «Иван – Алеша».

Говоря в целом, диалектика свободы и счастья у Достоевского разработана гораздо более детально. Целый ряд ее звеньев у Шиллера просто отсутствует. Так, например, у него, разумеется, не заходит речь об иллюзии свободы, в которой пребывает народ, сам же сложивший ее к ногам инквизиции, о том, что свобода и счастье «вещи несовместные», и о том, что Церковь пошла не за Христом, а за Сатаной, предлагавшим Христу основать царство его на чуде, тайне и авторитете, и, по слову Сатаны, взяла «меч кесаря» (14, 234).

Однако дело не только в этом. В том числе и благодаря этому усечению, в «Легенде...» имеет место и определенная смысловая переакцентуация. Д.И.Чижевский полагал, что «через “Легенду о великом инквизиторе” «шиллеровская, впрочем не Шиллером впервые высказанная, “теодицея” вошла в русскую мысль <...> Эта теодицея – не только у Бердяева, но и у Лосского, Розанова, С.Франка – да, пожалуй, у всех русских религиозных философов» (Чижевский 1956: 130). Как мы видели выше, эта «теодицея» в том виде, как она была сформулирована в монологе Маркиза Позы об «этой чудесной природе» и ее «Великом Зодчем», терпящем «червя в росинке», в «Легенде...» по-настоящему так ни разу и не звучит. В этом наиболее существенная трансформация Достоевским шиллеровской диалектики

свободы и счастья. Он делает акцент не на обусловленности зла свободой человека, а на стремлении церкви представить эту свободу ненужной людям и попытках с помощью различных манипуляций подчинить их себе. И все же утверждению о том, что «...драма Шиллера давала некоторый идеолого-психологический контур, который Достоевским заполняется иным и во многом противоположным содержанием» (Туниманов 2013: 65), в полном согласии с точкой зрения Д.И.Чижевского и Н.А.Вильмонта, мы бы убрали слова: «во многом противоположным».

В период возникновения замысла и начала работы над романом «Братья Карамазовы» Достоевский писал о Шиллере в «Дневнике писателя»: «А у нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил» (Достоевский 1982: 23, 31). Из всего выше сказанного ясно, что это особенно верно применительно к самому Достоевскому и что Шиллер до конца дней остался для него одним из краеугольных камней в основаниях его собственного мирозерцания. Философия свободы и счастья в «Братьях Карамазовых» содержит отчетливые внутренние отсылки к «Дон Карлосу» и другим произведениям Шиллера. Она обретает свой подлинный смысл лишь с учетом метатекстуальной природы «Легенды о Великом инквизиторе».

БИБЛИОГРАФИЯ

- БИБЛИОТЕКА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО (2005): *Опыт реконструкции: Научное описание*. Наука. Санкт-Петербург.
- ВЕТЛОВСКАЯ, В.Е. (2007): *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»*. Издательство «Пушкинский дом». Санкт-Петербург.
- ВИЛЬМОНТ, Н. (1984): *Достоевский и Шиллер Заметки русского германиста*. Советский писатель. Москва.
- ДАНИЛЕВСКИЙ, Р.Ю. (2005): Русский образ Фридриха Шиллера // *Русская литература*. 2005. № 4. С. 3 – 20. Ленинград.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972 – 1990): *Полн. собр. соч.: В 30 т.* Т. 1-30. Наука. Ленинград.
- ЗЕГЕРС, А. (1963): Заметки о Достоевском и Шиллере // *Вопросы литературы*. 1963. № 2. С. 118 – 138. Москва.
- ЕВНИН, Ф. (1967): Достоевский и воинствующий католицизм 1860 – 1870-х годов (к генезису «Легенды о великом инквизиторе» // *Русская литература*. 1967. № 1. С. 29 – 41. Ленинград.
- ИВАНЧИЧ, Т. (2001): Дуэль России и Европы в «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского // *Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания*. С. 114 – 122. Санкт-Петербург.
- КИБАЛЬНИК, С.А. (2011): Достоевский и «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе // *Cuadernos de Rusística Española*. 2011. № 7. P. 149-154. Universidad de Granada. Granada.
- КИБАЛЬНИК, С.А. (2012): О философском подтексте формулы «Если Бога нет...» в творчестве Достоевского // *Русская литература*. 2012. № 4. Наука. Санкт-Петербург.

- О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ (1991): *Достоевский и последующие*. Молодая гвардия. Москва.
- ТУНИМАНОВ, В.А. (2013): О литературном и историческом «прототипах» Великого Инквизитора // *Туниманов В.А. Лабиринт сцеплений. Избранные статьи*. С. 61 -71. Издательство «Пушкинский Дом». Санкт-Петербург.
- Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (1990): Т. 1 – 2. Художественная литература. Москва.
- ЧИЖЕВСКИЙ, Д.И. (2010): Шиллер и «Братья Карамазовы» // *Достоевский. Исследования и материалы*. Ред. Н.Ф.Буданова, С.А.Кибальник. Т. 19. Наука. Санкт-Петербург.
- ЧИЖЕВСКИЙ, Д. (1956): Шиллер в России // *Новый журнал*. Т. 45. Нью-Йорк.
- ШИЛЛЕР, Ф. (1857): *Драматические сочинения в переводах русских писателей*. Ред. Ник. Вас. Гербель: В 9 т. Т. 3. Императорская Академия наук. Санкт-Петербург.
- ЩЕННИКОВ, Г.К., ТИХОМИРОВ, Б.Н. (2008): *Достоевский. Соч. Письма. Документы. Словарь-справочник*. Санкт-Петербург.